

Безопасность

как предпосылка самого существования рыночной экономики

Думается, что никто из тех, кто постоянно или изредка заходит на сайт «Директор по безопасности» не мог не заметить, как часто в последние годы в связи с мировой, европейской, российской и вообще с любой экономикой используется слово «кризис». Солидные авторитеты говорят о финансовом кризисе, однако довольно часто, в частности, возвращаясь к великому кризису тридцатых годов, начали оперировать понятием «экономический кризис», и, кроме того, далеко не в последнюю очередь, появляются иные солидные авторитеты, которые выдвигают понятие «кризис доверия». В то время как, многозначительные высказывания о финансовом кризисе звучат, в первую очередь, со стороны экспертов в области финансов и экономики, не менее значительные высказывания о кризисе доверия идут, скорее всего, со стороны философов и социологов. Только в исключительном случае можно найти такую авторитетную личность, которая бы поставила эти два понятия рядом. А если и появится такая связь данных понятий, так только в лоне журналистики, причем научно-популярной, а не профессиональной. На наш взгляд, стоит глубже вдуматься в соотношение и широкую связь между доверием и финансами, или же, если позволите, между доверием и деньгами.

В настоящее время на наши головы постоянно и со всех сторон сваливаются мрачные прогнозы политиков, экспертов и СМИ относительно чего угодно, но, особенно, будущего человечества, самого общества и экономики как таковых. Эти прогнозы не содержат в себе ничего рационального, кроме двух исходных положений. Первым из них есть та реальность, что *homo sapiens* как таковой, подобно иным природным существам, рано или поздно погибнет, а вторым есть та реальность, что человечеству еще никогда во всей своей истории не жилось так хорошо, как сейчас, и это наводит на естественную мысль о том, что нам, скорее всего, станет хуже, когда нам хорошо живется, чем когда нам плохо. Ведь каждый, кто хотя немного знаком с цыганами, знает, что когда им хорошо, они плачут и рыдают, а когда им плохо, они поют и танцуют. Еще одна реальность состоит в том, что существует огромное неравенство относительно количества денег, которыми располагают отдельные индивидуумы или же целые социальные группы. Деньги стали мерой самой главной ценности человека, а именно, мерой его свободы.

Деньги определяют свободу людей во многих отношениях. Однако для того, чтобы деньги служили еще более сложным измерителем вещей, часто не осознается то, что для этого необходимо наличие ряда основных предпосылок.

В первую очередь, как средство обмена, деньги, как любая другая составная часть рыночного механизма и сам рынок в целом, нуждаются в безопасности. Никакой обмен не может осуществляться в условиях неопределенности, когда существует опасность вмешательства внешней силы в отношения спроса и предложения. Не менее важной предпосылкой для надлежащего функционирования денег в обществе и экономике является наличие определенного уровня общего благосостояния в том месте, где происходит рыночный обмен. В условиях бедности нельзя говорить о предложении, потому что оно само по себе является скорее явным излишеством, что выражается в агрессии по отношению к таким излишествам и приводит нас снова, но иным путем, к вопросу безопасности.

Возможно, это звучит парадоксально, но деньги сыграли бóльшую роль в достижении общественного равенства, чем любые революции или социальный прогресс, если не принимать во внимание количество денег в распоряжении отдельных индивидов. Однако, с другой стороны, сами деньги в обществе влияют на возможность того, чтобы каждый мог ими каким-то образом распоряжаться, или, как минимум на то, чтобы каждый имел возможность их приобрести. Надо отдавать себе отчет в том, что деньги устранили в обществе монополию частной собственности на землю и всю систему абсолютной ренты. Они постепенно устранили в обществе дворянские привилегии, распустили самые различные традиционные привилегированные слои и иерархии общества, такие как сословия, цехи, мещанство, и, не в последнюю очередь, также социальные различия по признаку вероисповедания и принадлежности к определенной церкви. Деньги в значительной мере способствовали эмансипации евреев. Геноцид евреев (холокост) отнюдь не случайно возник в тоталитарной нацистской Германии, где деньги утратили свою роль, а после огромной гиперинфляции и экономического кризиса утратили и доверие людей. Деньги разлагают и разрушают такие институты общества как семья, брак, государство, а также традиционные отношения, как «врач – больной», «гость – хозяин», «местный житель – иностранец», что как раз приводит к исконному общественному неравенству между людьми. Неравенство между людьми заключается часто не только в количестве личных денег, но также в количестве и качестве их возможностей доступа к деньгам и их источникам. Деньги, устранили также, как и монополию частной собственности на землю, привилегии собственников средств производства и поставили на первый план любой системы экономических отношений именно обмен благами, включая обмен с самими собой, как свой самый эффективный инструмент.

Каждый, кто когда-нибудь видел деньги, может возразить полностью в соответствии со здравым смыслом, что деньги сами по себе ничего подобного вызвать не могут, поскольку они, в лучшем случае, представляют собой всего лишь бляшки и бумажки, а в худшем - биты и байты. Даже в те времена, когда деньги базировались на золотом паритете, они сами по себе не могли быть причиной таких процессов и событий. Деньги были, есть и будут только инструментом в руках людей. Они, правда, имеют одно неприятное свойство в том, что их количество может превышать все мыслимые пределы и поэтому они могут буквально отбиться от рук людей, т.е. выйти из их повиновения, но, с другой стороны, деньги нуждаются в людях гораздо больше, чем могло бы показаться на первый взгляд. Важнейшим свойством денег являются их циркуляция или ликвидность, т.е. свойство быть средством обмена практически когда угодно, где угодно и на что угодно. Деньги постоянно стараются внедриться в разные общественные отношения с целью стать мерителем этих отношений, оценить их и способствовать изменению и смене общественных отношений. Такая смена или изменение общественных отношений является своеобразным обменом одних отношений на другие.

Любой обмен требует уверенность, безопасность и охрану, чтобы он стал действительно обменом, а не пародией на обмен. Проще говоря, каждый рынок должен иметь свои правила, поскольку только ненормальный шел бы со своими товарами (благами) на рынок, не будучи уверенным в том, что произойдет именно обмен, а не насилие в легальном или нелегальном виде. По сути, не имеет значения, если на рынок нападут воры и украдут товары, или государственные чиновники с помощью полиции или военных конфискуют товары. Деньги нужны для того, чтобы полностью развить тот истинный потенциал, который в них скрыт, и установить точные и абсолютные правила, которые бы четко определяли то, что за деньги нельзя купить. Золотым правилом является следовательно то, что за деньги нельзя купить сами деньги и упомянутые правила, и, соответственно, людей, которые за ними стоят, т.е. тех, которые их создают, охраняют и требуют их соблюдения. Там, где можно купить законодателей, прокуроров, судей, полицейских и политиков, рынок и свободный обмен не будут успешными, деньги потеряют свою благодатную силу и станут инструментом зла, которое, в конечном счете, погубит и деньги как таковые, как мы этому были свидетели в реальном социализме, при котором гораздо большее значение имело наличие знакомых в определенном магазине, чем наличие своих собственных денег. Если необходимо упростить это золотое правило об ограничении функциональности денег, то можно сказать, что деньги не должны использоваться для фальсификации и коррупции.

Кроме прочего, деньги являются весьма деликатным инструментом распределения власти в обществе. Эта их функция истекает из того, что власть, как способность реализовать свою волю против воли других, как утверждает Макс Вебер, наиболее эффективно распределяется именно с помощью позитивных мотиваций, за которыми скорее латентно (скрыто), а не явно проявляется насилие и страх перед ним. К сожалению, действующие органы государственной власти в Европе, особенно на постсоветском пространстве, основывают свою деятельность, прежде всего, на внушении страха, чем доверия.

При изучении древних культур и цивилизаций видно зарождение замысловатых и сильно централизованных структур институций дарения, как таких, которые порождают для индивидуумов, семей и широких слоев населения обязанности по отношению к дарителю – правителю. Также взаимные подарки между этими слоями населения поддерживались как система создания таких общественных отношений, которые было бы можно со стороны правителя легче регулировать и подчинять себе, чем первоначальные связи, основанные на простых симпатиях и антипатиях. Поэтому необходимо, чтобы в современном обществе деньги заслужили всеобщее значение и уважение, особенно в нижних слоях населения, где, как правило, денег всегда не хватает. Если деньги станут для кого-нибудь безразличными, то нельзя будет посредством них распределять общественную власть, и придется воспользоваться иными инструментами, скорее мерами принудительного характера, или же каким-либо образом устранить таких индивидуумов или их группы из общества.

Осталось ответить на вопрос, каким является собственно отношение денег и доверия. Возможно, что ответ окажется смелым, но будем утверждать, что деньги и есть институционализированное доверие. Одновременно появляется смысл определения денег как товара, или специфического вида товара. Но если мы посмотрим внимательнее на то, что такое товар, так просто для такого утверждения, более того в современном мире, не найдем опоры. Деньги не являются товаром, хотя бы потому, что если мы что-то покупаем, то это кредит (услуга предоставления денег в долг), а не деньги как таковые. Крылатая пословица, что деньги делают деньги, не действует, поскольку если что-то делает деньги, так это как раз доверие и в первую очередь, кредит. Кстати, подобность этих понятий мы видим не только в чешском языке, где используется латинское «*credo*» и «*credit*», но также и русский язык с понятиями «кредиты», «кредиторы» не являясь здесь исключением. Раньше было возможным регулировать количество денег работой эмиссионного банка,

но это уже давно не так и центральные банки могут путем учетной ставки посредственно влиять только на объем кредитов. На вопрос, если держим в руках банкноту, то держим мы долг или кредит, пока не найден однозначный ответ. Возможно, что ближе к правде стоит мнение, что это долг. Но то, что относительно ясно, это то, что мы не держим в руках какую-то собственность, как предполагает большинство людей, правда, не имея в виду кусок бумаги в своих руках. Но, возможно, что это только кусочек обоев, салфетка, сувенир или в нужде наивысшей...??? То, что мы имеем в руках, это чистая возможность, потенциал, кусок свободы выбора, который предполагает доверие государству, знаки которого напечатаны на банкноте, и также в его правовую систему и в набор им охраняемых и вводимых правил. Кстати, государства очень тщательно следят за тем, чтобы на банкнотах и монетах печатались личности, имеющие высокое доверие или крупные престижные здания. Совершенством данной практики являются США со своим «На Бога уповаем» (*In God we trust*), лицами президентов и зданиями органов власти. Антиподом этой практики является Беларусь со своими банкнотами, на которых господствует лесной зверь. Возможно потому, что шкура этих зверей была традиционно торговым товаром и даже эквивалентом, и, возможно, потому, что звери, за исключением, наверное, медведя, не имеют никаких политических или государственных коннотаций. На самое выдающееся место в мире финансов со своей шкурой попала белка, шкура которой называется на одном огромном языковом пространстве «тенге», из чего возникла русская «деньга». В связи с этим стоит упомянуть сообщение австрийского посла при дворе Ивана Грозного, который на счет тогдашних денежных отношений в России 1570-ом году написал в Вену, что на Руси имеют и различают три вида денег. В первую очередь они имеют «деньги» которые даются попрошайкам, но за них ничего нельзя купить. Во-вторых, имеют «червонец», который посол во время своего пребывания там так и не увидел. Но если кто-нибудь намерен что-то покупать, то пусть возьмет венгерские золотые, написал 440 лет тому зоркий наблюдатель русской жизни. Русский читатель сам может сделать вывод, насколько за 440 лет изменились отношения в России. Стоит также упомянуть и мальтийскую монету того времени, на которой во время угрозы Мальте со стороны Османской империи появилась надпись: „*Non aes sed fides*“ - „Не медь (*m.e. не деньги*), а доверие».

Инопланетянин, или даже индеец из джунглей, были бы очень удивлены тому, что мы довольны зарплатой за наш, зачастую тяжелый труд, в виде бумажек или компьютерных данных, которые летают через спутниковую связь между континентами, чтобы, в конце концов, попали на какой то адрес, несущий наше

имя. Они бы удивлялись нашему доверию, которое заключается в том, что нам кто-нибудь обменяет что-то полезное за этот пустяк и даже после относительно долгого срока времени. Деньги не являются товаром и по целому ряду очевидных причин. В первую очередь, они вращаются в обратном направлении, чем товары. Далее, они ничего не потребляют, только циркулируют, и, если они физически изношены, их носители обмениваются бесплатно на новые, не протертые. Они не учитываются в финансовых результатах деятельности вместе с товаром, потому что это бы устраняло реальные результаты, увеличивая их, по меньшей мере, в два раза. Не в последнюю очередь они являются символическими и универсальными и, как уже было отмечено, они представляют собой чистую возможность и являются инструментом роста и распределения общественной власти - господства, как это упомянутый выше Макс Вебер.

А сейчас вернемся к началу, к тому мостику между финансами и доверием, который возник на основе того, что если один и тот же кризис называется одними умными головами финансовым, а другими кризисом доверия, встанет вопрос описания отношений между доверием и финансами, или доверием и деньгами. Вывод, что финансы и есть институционализированное доверие, кажется простым, но он несет в себе далеко идущие последствия. Во-первых, из предыдущего текста вытекает, что если мы сегодня говорим об экономической безопасности, тогда должна идти речь, в первую очередь, о безопасности обмена. Главным инструментом обмена являются как раз деньги и они представляют собой доверие, в котором обмен нуждается для своей реализации. Сегодня может нам казаться, что никакого доверия нам не нужно, что обмен становится все более анонимным, поскольку сегодня покупатель и продавец не должны лично встречаться или знать друг друга, но доверие в их отношениях держится косвенно посредством денег – наличных или виртуальных, дематериализованных. Защита обмена и денег как инструмента не только обмена, но и инструмента накопления и распределения власти, является таким образом также охраной публичных общественных правил, которые одновременно ограничивают и узаконивают не только публичную власть но и свои инструменты, т. е. деньги. За деньги нельзя купить ни доверие, ни свободу, ни справедливость, ни безопасность. Правила, которые регулируют эти ограничения необходимо уважать и охранять и, безусловно, их нельзя продавать. Мы в сегодняшнем мире не найдем демократическое законодательство, которое бы не регулировало общие обязанности граждан следить за безопасностью и публичным порядком. Всякого рода представление о том, что это занятие должно полностью остаться в руках государства и его вооруженных сил, является одной из самых трагических ошибок, которые люди

допускают, отдавая себя на произвол государству и его силовым структурам, включая и частных охранников, которые оберегают частные интересы, превращая невооруженных граждан в людей не второй, а третьей и даже низшей категории. Трагическим последствием такого рода упования на государство являются трагедии на подобие такой, как на Куйбышевской ГЭС. Государство отправило туда спасательную службу, водолазов, психологов, но они могли только найти и подсчитать погибших, и, может быть, еще поддержать выживших и утешать близких погибших. Но трагедии можно было избежать, если бы люди смотрели за безопасностью других, и возможно, что и мертвых могло быть меньше, если бы люди, плывущие на кораблях около трагедии, оказали своим близким помощь в беде. Мнение, что государство должно нести все риски за безопасность индивидуумов и общества как целого, представляет собой в итоге намного большую опасность для индивидуума и общества, чем терроризм или военная интервенция, поскольку они являются характеристикой общества, распадающегося изнутри. Строить политику безопасности любой организации включая и предприятие, означает необходимость заинтересовать в этом всех заинтересованных лиц – стейкхолдеров. Оставить вопрос обеспечения безопасности только в руках директора по безопасности и нескольких дюжих охранников станет предпосылкой бесславного конца организации. К такой же категории трагических ошибок относится и настоящее создание противоракетного щита над странами НАТО или линии Мажино и пограничных крепостей в прежней Чехословакии перед второй мировой войной.

Вездесущую коррупцию, ликвидирующую обмен и ограничивающую функции денег, а тем самым и равенство, свободу и справедливость не победит ни полиция, ни прокуратура, ни суды, ни частная охрана – это дело и обязанность всех граждан государства. Каждый, кто когда-нибудь плыл на корабле знает, что в каждый корабль течет вода, но выкачивать ее должны те, которые на корабле сидят. С коррупцией и с другими способами нарушениями правил дело обстоит так же, как с кораблем и водой. Мы живем в обществе прав человека, но это не значит, что мы должны понимать эти права, как только личные, исключительно наши собственные. Права являются всеобщими, принадлежат всем, и поэтому для каждого из нас эти гражданские права или права человека являются, в первую очередь, обязанностью охранять их для других и ожидать от них, что они будут поступать таким же образом. Данное суждение приводит к еще одному важному выводу. Кажется, что мы деньги и финансы вообще не очень хорошо понимаем. Наши отношения к ним принципиально не здоровые. Или мы их обожествляем или их ненавидим, но истина такова, что наш мир без них не был бы возможным. Необходимо развивать финансовую грамотность у

детей как родной язык и математику уже в дошкольном возрасте. По сравнению с финансовой грамотностью компьютерная является простым умением. Кажется, что попытки изгнать деньги из нашей жизни и из их функции распределителя власти закончились в XX веке огромными общественными трагедиями с миллионами мертвых и ужасающими геноцидами. Наше столетие могло бы принести понимание того, что представляют собой деньги, как надо с ними обращаться, что к ним надо скорее относиться как к хорошему слуге, а не как плохому господину, и поступать с доверием в их и наши способности для нашего взаимного благополучия. Это не простая задача. Одной из небольшого числа книг, которая была попыткой представить общественный образ денег, является «Философия денег» Георга Зиммеля, написанная более ста лет тому и которая, предположительно, на протяжении такого же количества лет была предана забвению. Некоторые читатели ее сегодня открывают и, если они избавляются от своей постмодернистской гордости, обнаруживают с восторгом как много работы на этом важном поле познания денег уже сделано и сколько еще ее надо сделать. Все же, сравнение денег и огня нам поможет в том смысле, что огонь необходимо держать вне горящих границ и одновременно знать, что огонь есть только внешнее проявление окисления веществ. Полагаем, что то, чем кислород является для огня, тем и есть доверие для денег. Но усовершенствование этой простой аналогии представляет собой длинный путь.

Как мы видим, на доверии строится больше вещей, чем только деньги. Доверие лежит вместе с волей и опытом глубоко в основах человеческого общества. На них построены свобода, безопасность и справедливость. Это сложилось так потому, что общество стоит на коллективных, а не индивидуальных основах и любая попытка построить общество из рационально рассуждающих индивидуумов типа *homo economicus* с самого начала осуждена на гибель. С другой стороны, является возможным, при определенных предпосылках (например, при плохом государственном управлении или другом виде управления), общество разложить на подобного рода индивидуумы. Но все же является очевидным, что если бы это стало реальностью, исчезло бы не только общество, но погибли бы и все мнимые независимые, рациональные и свободные индивидуумы вместе с управляющими элитами. В названии статьи следовало было указать и такие составляющие рыночной экономики, как свобода и справедливость. Но, поскольку я писал свою первую статью для сайта «Директор по безопасности» в заголовке осталась одна безопасность. С вышеприведенного ясно вытекает то, что забота о безопасности любой организации означает, в первую очередь, построение двойного доверия к этой организации. Во-первых, внутреннего доверия, которая опять же состоит из доверия между внутренними стейкхолдерами организации, которые составляют

множество и качество ее социального капитала, и из их доверия к организации как инструменту преследования их интересов. Во-вторых, речь идет о внешнем доверии внешних стейкхолдеров организации к этой организации, которое имеет значительное влияние на развитие взаимного доверия этих внешних стейкхолдеров, которое, в свою очередь, способствует создавать безопасное пространство для организации.

Надеемся, что если читателей данная тематика заинтересует, то мы получим возможность написать подробнее о доверии, воле и опыте как основах общества и о безопасности, справедливости и свободе как о предпосылках его функционирования.